

Глава 5

Лу Чуань отложил кисть, убрал тяжелое пресс-папье и, приподняв листок, залюбовался результатом своих трудов.

Он практиковался уже без малого две недели, отдавая каллиграфии по шесть-восемь часов в день. После каждого такого занятия ему приходилось прикладывать к запястью горячие компрессы — только так можно было унять ноющую боль от перенапряжения.

Но усердие принесло плоды. Его нынешнее письмо, хоть и не блистало изяществом, по крайней мере, не выглядело как скопление клякс. Иероглифы стали четкими, штрихи — разборчивыми; теперь любой мог без труда прочесть написанное.

Для человека, который прежде и в глаза не видел традиционного письма, такой прогресс стоил колоссальных усилий.

С довольным видом Лу Чуань собрал исписанные листы и унес их на кухню, чтобы разжечь огонь. Он не смел оставлять свои упражнения в кабинете. Пусть в дом редко заглядывали гости, а те, кто приходил, не переступали порога его святая святых, осторожность в его положении была превыше всего.

Вскоре после завтрака зашел Чэнь Циншань.

Они договорились еще вчера: сегодня им предстояло отправиться в город, чтобы Лу Чуань мог попытаться счастья у управляющего чайной. Если удача улыбнется ему, он сможет рассчитывать на пять лян в месяц — этой суммы с лихвой хватило бы на все его нужды.

Деревня Хуаси, хоть и располагалась у самого подножия императорской столицы, жила по сельским законам: еда росла на грядках, и за медь в лавках покупали разве что соль да масло. Остальное можно было выменять у соседей.

Лу Чуань прикинул расходы и понял, что львиная доля его средств будет уходить на бумагу и тушь — вещи в его ремесле крайне недолговечные. Даже при том, что он экономно исписывал листы с обеих сторон, не оставляя ни клочка свободного места, запасы, оставленные прежним владельцем тела, почти иссякли.

Если сегодня он получит место бухгалтера, то на обратном пути обязательно заглянет в книжную лавку за целой стопой бумаги. Если же нет — придется на время оставить кисть.

Юноша подхватил кошель, перешагнул через порог и, заперев дверь на замок, повернулся к Чэнь Циншаню.

Дом старосты стоял в самом центре деревни. Семья Лу в свое время пришла в эти края в

поисках спасения от голода, и свободной земли в центре уже не оставалось. Дед Лу Чуаня обосновался у самой околицы, а позже отец, разбогатеv, снес ветхую лачугу и выстроил на ее месте добротную усадьбу.

Чэнь Циншань пришел не с пустыми руками: на его плечах покоилась тяжелая охапка дров. Сегодня он также захватил с собой вышитые платки и плетеные декоративные узлы-лакоцзы, которые на досуге мастерили женщины в его доме — их нужно было сдать в лавку тканей.

Учёный Лу здраво оценивал свои силы и не пытался изображать из себя богатыря. Он не стал предлагать помощь с дровами, а лишь взял на себя мелкую поклажу, и они вдвоем зашагали к выходу из деревни.

Желающих отправиться в город сегодня было немного, и им пришлось порядочно подождать на окраине, пока наберется достаточно народу для телеги.

За время их недолгого знакомства Чэнь Циншань успел заметить, как сильно изменился его товарищ. Тот стал мягким, вежливым и больше не избегал людей, как раньше. Отношения между ними крепились день ото дня.

По правде говоря, прежде они почти не общались. Не попроси отец Чэня проводить Лу Чуаня на экзамены, они бы, скорее всего, так и остались чужими людьми.

Пытаясь объяснить себе внезапную перемену в характере соседа, мужчина рассудил по-своему.

«Должно быть, раньше ученый Лу просто слишком сильно переживал из-за предстоящих испытаний, вот ему и было не до пустых разговоров»

От этой мысли его взгляд стал настолько по-отечески нежным, что Лу Чуань невольно вздрогнул — у него едва мурашки по коже не побежали.

— Братец Циншань, если хочешь что-то сказать — говори, но не смотри на меня так, — не выдержал он.

Сын старосты только сейчас понял, что слишком пристально разглядывает товарища. Слегка смутившись, он кашлянул:

— Да нет, ничего такого. Я просто хотел рассказать, на что стоит обратить внимание, когда придем в чайную.

Весь остаток пути он давал Лу Чуаню наставления, в полной мере проявляя заботу старшего брата. Сюцай принимал её с благодарностью, то и дело кивая в знак согласия.

Миновав городские ворота и пробравшись сквозь пеструю толпу, они оказались у черного хода чайной.

Чэнь Циншань знаком велел Лу Чуаню постучать. Дверь почти сразу отворил подросток лет десяти в одежде слуги-сяо-эр. Увидев знакомое лицо, он расплылся в улыбке и отступил, пропуская гостей.

— Братец Чэнь, привез дрова?

Мужчина прошел во внутренний двор и сбросил ношу в специально отведенном месте.

— Да. Глянь, Лай Фу, хороши ли на этот раз?

Сяо-эр усмехнулся:

— Твои дрова, братец Чэнь, всегда отменного качества.

В столице дрова закупали в окрестных деревнях, и цена сильно зависела от того, насколько они сухи и малодымны. Для чайной выбирали только лучшее. Дрова похуже Чэнь Циншань обычно сбывал беднякам в северной части города, тоже выручая за это какую-никакую копейку.

Конечно, торговать углем, особенно высококачественным «серебряные нити», было бы куда выгоднее — зимой за него в столице едва ли не дрались. Но в семье Чэнь не знали секретов углежжения, да и покровителей у них не было.

В таком деле, как торговля углем, было слишком много подводных камней, непосильных для простых крестьян. Им хватало и того, что они могли заработать на дровах.

Несмотря на дружелюбие, Лай Фу все же вытянул пару поленьев для проверки. Оставшись довольным, он вытащил кошель и расплатился.

Чэнь Циншань спрятал монеты, даже не пересчитывая.

— Братец Лай Фу, я слышал, ваш управляющий искал нового бухгалтера. Неужто уже нашли кого?

— Ой, и не спрашивай, — Лай Фу заметно помрачнел. — Пару дней назад притащился один горе-ученый. Нахватался вершков из «Математики в девяти главах» и так складно пел перед управляющим, а как до дела дошло — и двух цифр сложить не смог. Только и знал, что сыпать цитатами из классиков. Управляющий его взашей выставил.

Чэнь Циншань с тревогой покосился на спутника. Умеет ли тот на самом деле вести счета?

Почувствовав его взгляд, Лу Чуань подбодрил его легкой улыбкой. Тот немного успокоился и заговорил с Лай Фу:

— Знаешь, я ведь сегодня не только за дровами пришел. Хочу тебе коекого представить. Это наш деревенский ученый, Лу Чуань. Он только-только с экзаменов вернулся и ищет работу. Вот, решили прийти, предложить его услуги.

Подросток еще при входе заметил спутника Чэнь Циншаня, но принял его за простого односельчанина. Теперь же он с любопытством оглядел гостя.

Лу Чуань был одет в старое, поношенное платье, но за две недели хорошей еды и регулярных упражнений он перестал выглядеть изможденным. Плечи расправились, в походке появилась уверенность, а лицо округлилось, утратив болезненную бледность. Его природная мягкость в сочетании с достоинством ученого создавали образ человека благородного и искреннего.

Говорят, что лицо — зеркало души, и Лу Чуань сразу вызвал у Лай Фу симпатию.

«Даже если этот сюцай не силен в бухгалтерии, он, по крайней мере, не будет задирать нос, как тот предыдущий гордец»

Лай Фу был племянником управляющего, и, поскольку оба гостя ему приглянулись, он не стал чинить препятствий.

В главном зале чайной было почти пусто. Время для чаепития еще не пришло — основной наплыв посетителей ожидали с полудня и до самого вечера.

Лу Чуань и управляющий сели друг против друга. Лай Фу представил гостя:

— Это ученый Лу из деревни Хуаси. Хочет наняться к нам. Я подумал, что нам как раз не хватает счетовода, не желаете ли вы его испытать?

Управляющий Чжан, приземистый толстяк с аккуратной бородкой, задумчиво огладил усы, разглядывая юношу.

В столице ученых было пруд пруди, и степенью сюцая здесь никого нельзя было удивить. Старый лис Чжан долго сверлил Лу Чуаня взглядом, но тот невозмутимо пригубил чай, словно и не замечая проверки.

Наконец управляющий заговорил:

— Видишь ли, ученый Лу, в моей книге закралась ошибка. Не посмотришь ли, где именно почтенный Чжан просчитался?

С этими словами он положил на стол бухгалтерскую книгу и подтолкнул ее к Лу Чуаню. Испытание началось.

Лу Чуань поставил чашку и, слегка улыбнувшись, кивнул:

— Охотно помогу.

Он взял книгу и принялся листать страницы. Управляющий сделал знак Лай Фу принести суаньпань — китайские счёты.

Однако юноша делом показал, что счёты ему не нужны. Он прекрасно владел умственным счетом. А если говорить честно — он просто не имел ни малейшего представления о том, как обращаться с этим древним калькулятором. В его времени их давно заменили компьютерами, и в университете такому не обучали.

В его голове иероглифы мгновенно превращались в стройные ряды цифр. Ошибка была найдена почти сразу.

Управляющий Чжан был поражен. Ему самому, даже со счётами, понадобилось бы добрых полдня, чтобы отыскать промах. А этот сючай справился в уме, пока не остыл чай.

— Вот это талант! — воскликнул Чжан. — У меня есть еще несколько книг с сомнительными записями, не взглянете ли и на них?

И, не дожидаясь ответа, он поспешил за новыми томами.

Лу Чуань только и мог, что согласиться. Древние бухгалтерские книги казались сложными лишь из-за манеры письма; в остальном же они были куда проще тех запутанных отчетов, с которыми ему приходилось сталкиваться в своей прошлой жизни.

Все последующие проверки он прошел с легкостью.

Управляющий Чжан довольно рассмеялся:

— Ученый Лу, вы настоящий мастер своего дела! Если вы не против, я был бы рад видеть вас своим бухгалтером. Жалованье — шесть лянов серебром в месяц.

Сючай? Разумеется, он был только за. Сумма оказалась на целый лян больше, чем он смел

надеяться.

Договорившись, что Лу Чуань приступит к работе завтра, управляющий велел Лай Фу ознакомить нового сотрудника с заведением, а сам ушел по делам.

Лай Фу повел Лу Чуаня по чайной, а Чэнь Циншань следовал за ними. Раньше он бывал только на заднем дворе, и теперь с удовольствием пользовался случаем, чтобы посмотреть на все изнутри.

Чайная занимала три этажа. На первом располагался общий зал, на втором — изящные яцзяни, разделенные ширмами, а на третьем — отдельные кабинеты для уединенных бесед.

В центре зала высился помост для рассказчика. Днем и вечером здесь выступали мастера слова, привлекая толпы слушателей. Те, кто пришел послушать истории, обычно занимали места на первом и втором этажах, а для серьезных переговоров поднимались на третий.

Заведение находилось в самом оживленном квартале города, и благодаря выступлениям рассказчиков дела шли в гору. Ходили слухи, что чайная принадлежит какому-то высокопоставленному чиновнику.

Когда они вышли на улицу, солнце уже клонилось к закату. Опасаясь опоздать на телегу, Лу Чуань вынужден был отложить поход в книжную лавку до завтра.

Поместье хоу Юннин

После недавней свадьбы Лянь Инцзе сплетни о его прошлом и связи с Се Нином вспыхнули с новой силой.

Се Нин со стороны казался холодным и непоколебимым, но внутри он вовсе не был так силен. Злые языки и косые взгляды ранили его куда глубже, чем он готов был признать.

Юноша твердо решил найти себе супруга, который во всем превзойдет Лянь Инцзе, но за такой короткий срок сделать это было непросто. Даже при обширных связях Се Мина в столице, задача казалась почти невыполнимой.

Избранник должен быть красив, талантлив, не иметь ни жен, ни наложниц, и, самое главное, желать взять Нина-гээр в качестве законного супруга-чжэнцзюня.

По отдельности эти требования не были чем-то из ряда вон выходящим, но найти все качества в одном человеке было так же сложно, как отыскать перо феникса.

Се Мин в последние дни буквально сбивался с ног, возвращаясь домой за полночь, и у него совсем не оставалось времени, чтобы утешить брата.

Мать Се и невестка тоже не сидели сложа руки. Они всюду искали достойную партию, но все их кандидаты совершенно не соответствовали вкусам юноши.

То, что родители считали добродетелью, в глазах Се Нина выглядело скукой. К тому же, ни один из них не подходил для того, чтобы заставить Лянь Инцзе лопнуть от зависти.

Если нельзя было раздавить обидчика властью, оставалось лишь утереть ему нос, выбрав лучшего мужа.

Он лежал на кровати и в который раз тяжело вздыхал.

Госпожа хоу Юннин отодвинула жемчужную занавесь и вошла в комнату сына. Следом за ней шел Бай Юй с подносом сладостей.

Се Нин вздрогнул и поспешно сел:

— Матушка, почему вы не велели доложить о своем приходе? Я ведь еще в постели!

Госпожа хоу Юннин кротко улыбнулась, но слова ее прозвучали с неожиданной твердостью:

— Я тебя родила, и в каком только виде не видела.

— И все же это не дело! Я уже взрослый. Неужели мне совсем не полагается достоинства?

— Хорошо-хорошо, в следующий раз буду осмотрительнее. Я принесла твое любимое ореховое печенье из фундука, иди же, попробуй.

Юноша был большим любителем сладостей и редко когда мог перед ними устоять.

Бай Юй, заметив, что тот все еще выглядит подавленным, добавил:

— Молодой господин, госпожа сама готовила эти печенья.

Госпожа хоу Юннин научилась печь сладости еще на северных рубежах, когда заметила, как сильно их любит младший сын. Теперь, когда в столице было полно искусных кондитеров, она давно не бралась за дело сама.

Се Нин оживился и потянулся к угощению. Он уже и забыл, когда в последний раз ел то, что приготовила мама. Пусть ее выпечка и уступала покупной в изысканности, в ней был тот самый неповторимый вкус, который можно найти только в родном доме.

Она ласково погладила его по волосам:

— Ты уже столько дней не выходил из дома. Может, прогуляешься?

— Не хочу. Опять встречу кого-нибудь из этих негодяев, только расстроюсь лишний раз.

— Тогда не ходи по лавкам. Ты ведь любишь слушать рассказчиков, может, заглянем в чайную?

— Скучно там. Все истории я уже по сто раз слышал.

— Неужели? А я слышала, что господин Жунчжай завтра собирается читать новое сказание. И это тебе не интересно?

Се Нин мгновенно подобрался. Он обожал истории господина Жунчжая — они всегда были полны неожиданных поворотов и живых подробностей.

Сердце его радостно забилось, но достоинство требовало сохранить лицо. После стольких отказов нельзя было сразу сдаться.

Мать, прекрасно зная характер сына, обменялась понимающим взглядом с Бай Юй. После еще нескольких уговоров юноша с напускным безразличием процедил:

— Ну ладно. Раз вы так настаиваете, схожу посмотрю, что там за новая история.

Обе отвернулись, пряча торжествующие улыбки.

<http://bllate.org/book/15313/1354387>